

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР

ОТ СЕРДЦА

К 75-летию М. А. ШОЛОХОВА

2204
Произведения замечательного советского писателя Михаила Александровича Шолохова вдохновляют многих художников на создание фильмов, спектаклей, опер, иллюстраций. О работе над фильмами «Судьба человека» и «Они сражались за Родину», о встречах с выдающимся мастером слова народный артист СССР Сергей Бондарчук рассказывает в одной из глав своих записок «Желание чуда» — в главе «Шолохов». Предлагаем ее вниманию читателей. (Полностью записки С. Бондарчука будут напечатаны в №№ 6 и 7 журнала «Наш современник»).

Еще в годы юности я впервые одну за другой прочел книги Михаила Александровича Шолохова, и они сразу же взяли меня в плен, можно сказать, на всю жизнь. Тогда, будучи студентом Ростовского театрального училища, я, конечно же, и не думал, что вновь и вновь буду обращаться к постоянно бессмертным страницам его книг, что шолоховский послесловный рассказ «Судьба человека», опубликованный впервые на страницах газеты «Правда», сыграет в моей судьбе такую решающую роль, экранизация его сделала меня режиссером кино, заставит многое переосмыслить в жизни, в своих художественных пристрастиях, что через пятнадцать лет, уже после экранизации «Войны и мира» Льва Толстого и «Ватерлоо», я вновь вернусь к шолоховскому творчеству и сниму фильм по его прекрасному роману «Они сражались за Родину».

Я часто думаю: в чем величие и неповторимость писательского таланта Шолохова, чем он захватывает душу каждого человека, где бы он ни жил, заставляет переживать судьбы разных людей как глубоко личные? И мне вспоминается одна из многих встреч с Михаилом Александровичем у него дома. Она оставила глубокий след в душе каждого из нас, кто работал над фильмом «Они сражались за Родину». Разговор зашел о правде в искусстве. И Михаил Александрович задумчиво сказал, что писать правду нелегко, но этим не ограничивается писательское предназначение — сложное писать истину. Истину! Потом, уже после разговора, Василий Шукшин недаром сравнил Шолохова со знаменитым пушкинским образом подвыпившего летописца Пимена из «Бориса Годунова»: «Еще одно, последнее сказание — и летопись окончена моя...». Ведь Пушкин, введя в трагедию этот образ, тоже поставил главную для художника проблему — правды и истины. Правда — понятие многоликое. И об этом хорошо сказал замечательный советский кинорежиссер Александр Довженко, обращаясь к актерам перед началом съемок фильма «Шорс»: «...Приготовьте самые чистые краски, художники. Мы будем писать откровенную юность своего... Убери все пятки медных правд. Оставьте только чистое золото истины».

Для Шолохова понятие истины в искусстве связано прежде всего с глубинным постижением народного характера, с необычайной зоркостью взгляда, прозорливостью проникновением в поэзию земного, с истинно удивительным знанием того, о чем он пишет. Каждая строка его — поиски этой истины. Позволю себе напомнить читателям, что еще в 1927 году в полемическом вступлении к рассказу «Лазоревая степь» Шолохов писал о тех литераторах, от которых «можно совершенно неожиданно узнать о том, что степной ковыль (и не просто ковыль, а «седой ковыль») имеет свой особый запах. Помните, о том, можно услышать о том, как в степях донских и кубанских умирали, захлебываясь напыщенными словами, красивые бойцы... На самом деле ковыль — поганая белобрыйса трава. Вредная трава, без всякого запаха... Поращие дорожником и лебедой окопы (их можно видеть на перегоне за канатою станцией), молчаливые свидетели недавних боев, могли бы порассказать о том, как безобразно просто умирали в них люди». Жизнь, природа, человеческие характеры, события, истина не требуют литературного приукрашивания. У Шолохова нет ни одной лично им не пережитой, то есть «придуманной» страницы. Недаром он мог с полным правом сказать о себе: «Я жил и живу среди моих героев... Мне не нужно было собирать материал, потому что он был под рукой, валялся под ногами». Все его книги написаны по

горячему следу. Они точно доносят до нас, сохраняют это жаркое дыхание времени. Но, исследуя и постигая конкретную истину своего времени, Шолохов всякий раз выходит к удивительным по своей силе и поэтичности обобщениям непреходящего значения...

Не было бы «Тихого Дона» Шолохова — более обыденно воспринимали бы мы сегодня эту землю. А сейчас выходишь к Дону, видишь сверкающую и величавую ширь его вод, и все здесь кажется своим особым запахом. Помните, о том, можно услышать о том, как в степях донских и кубанских умирали, захлебываясь напыщенными словами, красивые бойцы... На самом деле ковыль — поганая белобрыйса трава. Вредная трава, без всякого запаха... Поращие дорожником и лебедой окопы (их можно видеть на перегоне за канатою станцией), молчаливые свидетели недавних боев, могли бы порассказать о том, как безобразно просто умирали в них люди». Жизнь, природа, человеческие характеры, события, истина не требуют литературного приукрашивания. У Шолохова нет ни одной лично им не пережитой, то есть «придуманной» страницы. Недаром он мог с полным правом сказать о себе: «Я жил и живу среди моих героев... Мне не нужно было собирать материал, потому что он был под рукой, валялся под ногами». Все его книги написаны по

ли, от прозрачной. «граневой тишины утра», от ветра, который шуршал, «перелистывая зеленые страницы подсолнечных листьев», от арбы, чей колышющийся след полетел по траве оттого, что «на сизом пологом неба доклевывал красно-хвостый рассвет звездное просо»...

Я уже говорил, что в моей судьбе огромную роль сыграл рассказ Шолохова «Судьба человека». Это подлинный шедевр мировой литературы. И, конечно же, своим успехом экранизация рассказа обязана первоисточнику, его философской и мировоззренческой основе, поистине удивительной обобщающей силе. Конечно, в отличие от ранних рассказов в этом произведении Шолохова есть та классическая сдержанность и наполненность, которая и таит в себе огромный художественно впечатляющий силу. Но мне важно сейчас подчеркнуть то обстоятельство, что для Шолохова всегда было характерным бережное, почти отеческое нежное отношение к ребенку. Вспомним его Мишатку из раннего рассказа «Нахаленок», мальчонку, готовую отдать все самое дорогое, когда писатель берет цветы, и запахи, и звуки родной земли и рождается из них нечто новое, неповторимое — и жизнь, минувшая, ушедшая, продолжается вновь. Протянешь руку к книжной полке, откроешь шолоховский томик, и закружится голова от тонких ароматов донской степи.

Теперь, когда я читаю, перечитываю — в какой уж раз — то или иное шолоховское произведение, постоянно вспоминаю его слова о призвании художника писать истину. Добывать эти крупы золота истины совсем не просто, и не только потому, что надобен талант, чтобы отличить их и выбрать из массы пустой породы, медной, пятаковой. Здесь необходимо и испепеляющая требовательность к себе, и совершенно фантастическое трудолюбие, и настоящая художественная зоркость сердца и ума, и огромное знание того, о чем пишешь. И, наконец, то мастерство, когда заставляешь, что перед тобой черед слов, и встает со страниц захватывающих обрзах сама жизнь, полная драматизма, правды, красоты и величия народного духа.

Секрет всенародного авторитета Шолохова — в предельной, обостренной искренности писателя. Ни разу он в своем творчестве не сфальшивил, не соблазнился полуправдой, и именно поэтому его книги стали как бы нравственным эталоном нашей эпохи.

Мне посчастливилось много раз встречаться с Михаилом Александровичем во время работы над фильмами по его произведениям. Фильм «Судьба человека» был для меня не просто режиссерским дебютом, а настоящей школой художественного постижения народной жизни. Снимали мы картину недалеко от Вешенской, и Михаил Александрович постепенно вводил меня в круг жизненного материала. Его рассказы о людях, образные, живописные и пластичные по слову, могли бы послужить основой не одной новеллы.

Приступая к постановке «Судьбы человека», я навещал Шолохова в его московской квартире в Староконошном переулке. Очень хорошо помню эту первую встречу. Почему-то особенно запомнился бюст Толстого, какого я не видел больше, — какой-то очень домашний, неофициальный, с полубоулынным носом... И словенный внутренний мостик связал меня с Шолоховым, скрепил невидимой нитью, когда я почувствовал в нем глубокую нежную любовь к Украине, унаследованную от матери украинки. Я много читал ему в этот вечер, больше всего — стихи Шевченко. Прочел и «Судьбу человека». Он любил слушать, как читают его произведения, очевидно, по новому воспринимая свое слово, свои образы, проверяя их на чужом восприятии...

Поначалу у него было недоверие ко мне, человеку городскому: «смогу ли я влезть в шкуру» Андрея Соколова, характера, увиденного в самой сердцевине народной жизни? Он долго рассматривал мои руки и сказал: «У Соколова руки-то другие...» И тут он рассказал, как занемог один казачок и врач велел ему сделать анализ крови. Много раз в лаборатории втыкали больному иглу, и всякий раз она ломалась — не могла пробить кожу на руке, которая трудилась всю жизнь. Потом из уст писателя я услышал трогательную историю безответной любви этого казачка, как посадил он подсолнух под окнами любимой, «чтобы рос он дикий, как и моя любовь дикая».

Слушая эту историю, я впервые заметил удивительную манеру Шолохова — рассказывая, медленно, легко прикасаясь пальцами ко лбу, словно боясь отпугнуть неосторожным движением

какого-то очень важное. Он и говорил медленно, часто задумываясь, словно глядя внутрь самого себя, и я понял, какая огромная внутренняя нравственная работа все время идет в нем, не прекращаясь ни на миг. Тогда он сказал мне: «Обязательно побывай в Вешенской, поживи там подольше, это поможет...»

Позже, уже находясь со съемочной группой в Вешенской, я, одетый в костюм Соколова, постучал в калитку шолоховского дома. Он не сразу узнал меня. А когда узнал, улыбнулся и про руки больше не вспоминал. Вскоре так же, как и Шолохов, признали меня вешенские казаки и казачки. «Андрей-то наш на работу пошел», — говорили они, видя, как я иду на съемку.

Нивя в доме у Шолохова, я многое понял. Понял, откуда идет эта поразительная правда жизни, которой полны его книги. Люди, о которых он пишет, сидят с ним за одним столом, рассказывают ему о своих радостях и печалих. Они же слушают, читают его книги. Станичные казаки смотрели материал нашего фильма вместе с писателем.

Там среди людей, окружающих Шолохова, я окончательно понял своего Андрея Соколова. То в одном, то в другом казачке узнавал я жест Андрея, манеру говорить или слушать, видел ту или иную черту характера. И тогда же, помню, поразило меня, с какой ответственностью относится Шолохов к своему труду. «Хорошо вам, — сказал он как-то с за-

вистью, наблюдая за работой нашей группы, — вас много, посоветоваться можно. А я один все решаю сам, за каждое слово один в ответе...»

На просмотре материала нашего фильма в Ростове я узнал и другое человеческое качество Шолохова, очень и очень драгоценное: его доверие к людям, уважение к их работе.

Материал мы смотрели еще несмонтированный, сырой, многое нам не нравилось, казалось неудачным, неверным. Как-то оценил все это Михаил Александрович? А он встал и сказал: «Незачем конченную работу обсуждать нельзя. Вот когда будет все снято, собрано, тогда и поговорим».

Обращение к материалу замечательного писателя-реалиста для меня как режиссера и актера имело огромное значение. Если бы не было «Судьбы человека», вряд ли взялся бы я за постановку «Войны и мира».

Я не раз перечитывал свидетельства современников, военные эпизоды в произведениях Гюго, Стендаля, Байрона, Теккерея и поражаюсь мастерству этих писателей-баталистов. Но в этой теме в ряд великих мастеров я поставил бы также и Шолохова с его «Судьбой человека». «Научкой ненависти» и романом «Они сражались за Родину», ибо ему удалось с удивительной глубиной и силой, через проникновение в суть народного характера, показать во весь рост героический подвиг человека на войне, нет, даже шире — судьбу человека, отстаиваю-

рое принимало в ней участие и оплатило жизнями своими радость грядущих побед. Война до сих пор живет незаживающей раной в душе, наверное, потому я тоже надежд солдатскую шинель и сыграл в фильме роль Звягинцева.

Впрочем, так могут сказать многие из актеров, которых властью привлек к этому талантливый роман Шолохова. Сталинградец, бывший солдат, актер старшего поколения Иван Лапиков, сыграв роль старшины Поприщенко, который после гибели лейтенанта Голощекова стал во главе солдат. Какие удивительные по глубине чувств и мыслей слова дал ему Шолохов в прощальной речи у свежей степной могилы, когда он обращался к новым поколениям советских людей.

Все творчество Шолохова связано с постижением народной жизни. Отсюда и его образ жизни в донской станице Вешенской, теперь известной всему миру, при страстие и любовь к родному краю, к людям, с которыми он вместе живет и трудится, которых он воспеет в своих книгах...

Иногда приходится слышать, что Шолохов написал не так уж много. Действительно, в иных писательских домах я видел и более внушительные на вид собрания сочинений. Но многие ли из этих книг всегда на руках, всегда в бою, как книги Шолохова? Многие ли из них несут с собой правду-истину? И если с этой мерой подходить к его творчеству, то можно сказать: Шолохов написал много. А сколько еще замечательных строчек родит его горячее и искреннее сердце, чтобы потрясти нас великой правдой постижения жизни!

Память военная обожгла душу каждого из нас, в том числе и замечательного актера Юрия Никулина, игравшего роль солдата Некрасова, человека спокойного, с добрым юмором, достоинством, от которого веет уверенностью в победе. Ведь редкостной разносторонней

СОСТАВЛЯЮТ КУЛЬТУРА И МОЩЬ